

- Серебро за место на рынке за месяц подняли на цянй — ладно бы только это, но зачем ещё и новый рыбный налог вводить?

— Мы, люди воды, каждый выход в море жизнью рискуем! Бывает, сетью рыбы и на миску риса не вытащишь. Год за годом эти поборы не кончаются, а теперь ещё и за то, что на рынке прилавок поставим, хотят с нас шкуру снять!

— Господа чиновники только и знают, что целыми днями в ямене чай попивать, откуда им знать, каково нам живётся? Так жить — только в петлю лезть!

— Если налог повышают, то почему только для нас? Почему не для сухопутных?

Толпа разгневанных рыбаков обступила мелкого писаря, брызги слюны так и летели. Кто-то, увлечшись, шагнул вперёд, и тут же, словно ждавшие этого, стоявшие сбоку стражники выхватили из ножен мечи с резким свистом.

— Вы что тут устроили? — рявкнул старший. — Беспорядки? В тюрьме места навалом, хотите казённую баланду попробовать, смело шагайте дальше!

Мечи блеснули холодным светом, и народ отпрянул. На миг стало тихо, и писарь, улучив момент, повысил голос:

— В общем, это приказ уезда., мы только приказ исполняем. Не нравится — идите у ямена шумите!

Он хлопнул ладонью по стене, где висело объявление:

— С сегодняшнего дня рыночная пошлина — восемь вэнь, а рыбный налог берётся не с потолка, всё по весу. Кто хочет торговать, идите за мной!

У многих тут же пропало желание раскладывать товар. Рыба, что они принесли, стоила сущие копейки; кто-то прикинул, что лучше высушить улов и продать позже, и закинул товар на коромысло обратно. Остались только те, кто без продажи не мог обойтись. Лица их потемнели, но пришлось тащиться к сбору податей.

В толпе оказался и третий дядя Чжун. Он пришёл налегке, без рыбы, но двинулся за всеми — хотел посмотреть, как этот налог взимают.

Вскоре стало ясно: с обычной рыбы брали по одному вэню с цзиня, с подороже — уже по два. А у одного из рыбаков в бочке оказалось три морских огурца, подобранных во время отлива в небольшой заводи. Каждый не больше половины ладони, вместе и до цзиня по весу не дотягивали, но за них сходу потребовали двадцать монет.

Мужчина, разумеется, возмутился и спросил писаря, но тот лишь ответил, что морской огурец — это морской деликатес, и как же его можно приравнять к простой рыбе или моллюскам. Мужчина попробовал ещё поспорить, но стражник уже взялся за рукоять. Увидев это, многие, стиснув зубы, вышли из очереди. Решили, что лучше торговать сушёным товаром и спорить с купцами, чем терпеть такое унижение.

Писарю же только в радость, что в очереди стало меньше народу: меньше людей — меньше хлопот, а на ругань он и вовсе внимания не обращал.

Третий дядя Чжун всё видел, и в его сердце поселилась тревога.

Переулок Цинпу, Южная улица

Невестка из семьи Чжао, жившая в переулке неподалёку, вышла с корзиной за овощами. Муж с утра ушёл работать в ломбард, а она помнила, что накануне вечером он обмолвился, что хочет рыбьей головы в горшочке. Вот она и подумала заглянуть на пристань, может, попадётся рыба-мандаринка или морской окунь, у которых головы хороши для этого блюда.

В переулке она повстречала знакомую, Сунь-ши. Та несла свежего, выпотрошенного окуня.

— Как раз хотела окуня на пристани взять для ухи, — обрадовалась жена Чжао.

Сунь-ши, увидев, что это она, подошла и сказала:

- Не нужно идти на пристань. Прямо у нас на улице, у самых ворот, открылся ларек с рыбой. Пойдешь в сторону столярной мастерской Пана, и тогда увидишь, - она подняла в руке окуня, показывая собеседнице: - Ларек держит молодая семейная пара людей воды, оба работают быстро и ловко. Если купишь у них рыбу, они ещё и почистят её для тебя, так что дома не придётся возиться с потрошением, можно будет сразу класть в котёл. А если тебе нужны рыбные ломтики, тоже могут нарезать.

Невестка Чжао спросила:

- И за чистку доплаты не берут?

- Разумеется, не возьмут, а кто ж пойдёт, если дерут втридорога? — ответила та и указала на поворот в переулке: - Разве ты не собиралась купить окуня? Так поторопись, сейчас на лотке лежит пять-шесть штук, а пойдешь позднее, боюсь, уже не будет.

Невестка Чжао, услышав это, ускорила шаг и вскоре дошла до места, о котором ей сказали.

Раньше она помнила, что здесь всегда было пусто, никаких торговых ларьков, а в последние два дня она в эту сторону и не ходила. Сегодня же здесь появились бамбуковый навес и две столешницы: на одной стояла разделочная доска с воткнутом в неё кухонным ножом, а на другой разместилось несколько глиняных кувшинов и деревянная табличка с выведенным иероглифом «соус».

Возле стола прямо на земле, были разложены разные дары моря: ведро мидий, ведро гребешков, сетка с крабами, небольшая миска острых морских улиток, а рядом раковины «бычий рог» и «собачий зуб». Из рыбы — морской окунь, кефаль и десятка полтора морского леща. Раньше на одном лотке редко встретишь такое разнообразие, к тому же к обеду, и без лишних хлопот. К тому же невестка Чжао заметила, что хозяева специально уложили на землю несколько каменных плит, чтобы в случае случайно пролитой воды не разводилась грязь. Пока она осматривала, на лотке как раз завершилась ещё одна продажа — унесли трех лещей. Мужчина рядом взял ножницы и в два счёта разделал рыбу, вынутые внутренности бросил в сторону, затем передал покупателю уже подготовленный товар. Невестка Чжао почувствовала, как её подмывает купить, и подошла спросить:

- Окунь почём?

— Пятнадцать вэней за цзинь, — прозвучал тихий, но вполне отчётливо слышный ответ. Осенний окунь был сейчас в самом соку, мясистый и жирный, так что цену ниже и ждать не приходилось; пятнадцать вэней за цзинь — обычное дело. Но невестка Чжао по привычке сказала:

- Дорого, уступите.

Вместо гера ответил Чжун Мин:

— Хозяйка, пятнадцать вэней — это недорого. Сходите на рынок, там уже продают по семнадцать-восемнадцать за цзинь.

Невестка Чжао приподняла тонкие брови:

— С каких это пор окунь стал стоить семнадцать-восемнадцать? Непорядочно вы торгуете.

Чжун Мин не обиделся и спокойно пояснил:

— Хозяйка, вы, видно, ещё не слышали: сегодня городское управление ввело новый налог на рыбу. Любая рыба весом меньше двух цзиней, едва окажется на берегу, облагается дополнительным налогом в один вэнь с цзиня; свыше двух цзиней — в два вэня. Раз цена закупки растёт, то и продажная поднимается.

В морепродуктах внешний вид и размер играют немалую роль: пусть вкус одинаков, но

крупный экземпляр всегда стоит дороже мелкого, и так образуются свои «первый сорт» и «третий сорт». В ямене, разумеется, прекрасно это понимают, вот и ухватились за этот предлог, чтобы как следует выжать побольше.

Невестка Чжао недоверчиво смерила взглядом стоящую перед ней пару и с сомнением спросила:

— Если так, то почему же вы цену не подняли?

— Да мы ведь не на рынке место сняли, — ответил Чжун Мин, — а тут, так что под надзор рынка не попадаем и лишний налог платить не нужно. Вот и получается немного выгоднее для всех. Сказав это, он не спеша выбрал из лотка окуня средних размеров и показал женщине: — Хозяйка, вы окуня берёте, как готовить собираетесь? Сколько у вас дома едоков? Гляньте, этой рыбки хватит?

— Хватит-хватит, нас в доме шесть человек, — отозвалась невестка Чжао. Она ещё раз обдумывала, правду ли сказал Чжун Мин, и в этот момент к прилавку подошёл гер за окунем. Услышав цену пятнадцать вэней за цзинь, он без лишних слов выбрал себе рыбу и забрал.

Невестка Чжао разговорилась с ним, расспрашивая про пристань. Тот сказал:

— Сегодня туда лучше не соваться. Там кто-то затеял драку, и из ямена прислали чиновных стражников с мечами — страх один. — он цокнул языком и добавил: — Да ладно бы только это. С первого взгляда видно - торговцев рыбой стало меньше, выбрать толком нечего, а цены выше прежнего. Хорошо, что тут открыли рыбный ларек, вот я и не пошёл туда. А то там всего шаг сделал, а уже в грязь вляпался.

Гер пару раз стёр грязь с подошвы деревянных сандалий о землю; выбранный им окунь весил два цзиня и четыре ляна, он отсчитал тридцать шесть вэней и даже не стал торговаться. Невестка Чжао, видя это, поспешила попросить ту самую рыбу, которую присматривала раньше, чтобы взвесить её, опасаясь, что если замешкается, то уже не достанется. Чжун Мин, поняв, что она собирается готовить дома уху с рыбьей головой, аккуратно отделил голову и хвост, завернул их в лист банана, а тушку рыбы разрубил вдоль пополам. Невестка Чжао, держа покупку, с радостным видом зашагала домой.

У нового ларька на время не осталось клиентов; Чжун Мин занялся тем, что убирал с разделочной доски прилипшие кусочки мяса и внутренности, а Су И, помыв руки, достал платок и подал его Чжун Мину, кивнув, чтобы тот наклонился.

— На, вытри пот, а то сейчас прямо в глаза потечёт.

Чжун Мин нагнулся, чуть прикрыв глаза, и позволил геру хлопотать.

Под деревом по диагонали от ларька уже некоторое время стоял третий дядя Чжун. Он видел, что место для торговли выбрано удачно, дела идут неплохо, и, вспомнив то, что наблюдал на причале, понял: всё в точности сходится с тем, что пару дней назад племянник говорил родным, а значит, тот и впрямь имел в уезде надёжные связи и заранее получил верные сведения, благодаря чему смог заблаговременно снять в аренду ларек.

Иначе, глядя на это изобилие рыбы, один только налог мог бы обойтись в несколько десятков вэней, а за год набежала бы такая сумма, что и не потянешь. Но и аренда ларька стоила немало: сразу выкладываешь несколько лянов, да и ежемесячную плату всё равно вносить без пропусков. Но Чжун Мин, в отличие от него самого, в самом разгаре молодости, с горячим задором, умеет и тратить, и зарабатывать, да и детей у него пока не было. А вот у третьего дяди Чжуна, не говоря уже о прочем, только выдать своим детям, Ху Цзы и Бао Цзы, будущие свадебные дары — на одни эти приданные и выкупы нужно впахивать полжизни, каждую монету хотелось бы разломить надвое, прежде чем потратить. Третий дядя Чжун постоял на месте добрых полминуты, сжав зубы от досады, а потом решил всё же вернуться домой и сперва обсудить дело с женой, со второй сестрой и с четвертым братом.

Чжун Мин и не ведал, что дядя приходил и ушёл; они с Су И только что перевели дух, как к ларьку снова подошли покупатели, и не только за морепродуктами, но и за креветочным соусом. Некоторые даже узнали в Су И того самого гера, что раньше на рынке продавал креветочный соус, и, зная, что его соус на вкус отменный, побежали звать соседей — каждый пришёл и взял себе по чашке.

В одно мгновение прошло уже больше часа. Уличный утренний рынок почти завершился, продавцы завтраков начали сворачивать прилавки. На их лотке морской окунь, леци и крабы разошлись полностью, из крупной рыбы остались только две кефали, а мелкой морской живности — по чуть-чуть, от каждой.

— Сейчас покупателей нет, присядь, отдохни, попей воды, — сказал Чжун Мин, вытер локтем пот со лба и поставил за прилавком табурет, приглашая Су И сесть.

Су И взял протянутый кувшин, сделал два больших глотка, успокаивая горло, которое уже жгло от жажды. На сухих губах засияли капельки влаги, и Чжун Мин невольно задержал взгляд, подумав, что его супруг красив в каждом движении.

По его распоряжению, деньгами заведовал Су И: чтобы не потерять, он носил кошелек прямо на поясе, в плотном тканевом мешочке, и когда сел, тот тихо звякнул монетами.

Чжун Мин приподнял бровь:

— Гляжу, наш маленький хозяин сегодня разбогател.

Су И чуть улыбнулся, и на щеках проступили ямочки. Он коснулся рукой набитого кошелька и тихо сказал мужу:

— Сегодня торговля лучше, чем я ожидал.

Чжун Мин кивнул:

— Тогда поднажмём, постараемся пораньше закрыться и вернуться домой считать выручку.

<http://bllate.org/book/13583/1205020>